

большой буквы. Современность чревата осознанием этого обстоятельства, все готовы к этому Иному. Поэтому-то каждый ищет его в меру своих возможностей и своих способностей: кто – в виртуальных компьютерных путешествиях, кто – в экзотических сектах, кто – в летающих тарелках... Готовность людей сегодняшнего дня к Иному, многих тех, кто прозревает *действительную инакость* Иного, дает надежду на настоящую связность нынешней потребности в чуде и Спасения.

Чудо – это избавление от всего привычного, от мнимостей благополучия, от всех наших концепций и накопленных богатств. Весь этот мир требует от нас отказа. Чтобы чудо произошло, то, как в дзен-буддистском коане, надо совершить прыжок в ничто.

Где начало чуда? Чудо начинается с осознания катастрофы, когда ты стоишь действительно у последней черты/границы/стены. Именно в этот последний момент – акт вхождения в смерть, в небытие, в ничто, шаг – и происходит спасение. Потому что, если бы не было веры в чудеса, в то, что невозможное может стать возможным, то попросту статистика самоубийств была бы во много раз больше. Вера в чудо оберегает от тотального самоуничтожения.

История чуда в последние столетия и, особенно, в последние десятилетия, когда культура из-под флера идеализма переходит к мистической прагматике денег, представляется историей его (чуда) истончения и исчезновения. Но не означает ли это, что мы живем в самом конце истории вообще? Какую *сказку* нам делать было? Если нам вообще нечего будет делать, то история просто не будет делаться, – ее просто не будет. А, может, существом истории человечества является задача, сформулированная Ж.-П. Сартром: «Человек – это проект человека»?

Дуализм ускользающего объекта

Кудрина С. А., Ярославль

к. филос. н., доцент кафедры философии,

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Социальные науки стремятся охватить полностью или частично ускользающие от них объекты. К таким объектам относится ценность справедливости, исследование и практическое воплощение которой сопряжено с рядом сложностей в силу дуализма ее социологического и метафизического измерений, что приводит к противоречиям и содержит в себе риск редукционизма.

Ключевые слова: аксиология, ценности, дуализм ускользающего объекта, справедливость, социальное действие, отказ от метафизики.

Dualism of elusive objects

Social sciences tend to cover objects that completely or partly escape from them. The article deals with the value of justice (fairness, truth) as a subject of sociological science. Sociological research on justice (fairness, truth) and its practical implementation encounter some difficulties because of the dualism of its sociological and metaphysical essences. So it leads to contradictions and the risk of reductionism.

Keywords: axiology, values, justice (fairness, truth), social action, dualism of elusive objects, rejection of metaphysics.

Претендуя на статус наук, так называемые социальные науки стремятся охватить такие полностью или частично ускользающие от них объекты, как человек, культура, духовная жизнь и т.п. Такого рода ускользающими объектами являются и ценности. Настаивая на принципе «свободы от оценки в социологической науке» [4, с. 547], М. Вебер поднял очень важный методологический вопрос, касающийся «полного несовпадения сферы ценностей и эмпирической сферы» [4, с. 582]. Проблема соотношения ценностей и эмпирической социологии не является окончательно решенной, поскольку связана с рядом трудностей. В частности, в поле зрения социологической науки попадает ценность справедливости, которая представляет еще большую сложность по сравнению с рассмотренной нами ранее ценностью прогресса [10]. Справедливость есть, прежде всего, категория этическая, а в античности она рассматривалась и как понятие метафизическое по своему содержанию – «справедливость сама по себе». Но уже тогда был поставлен вопрос о ее практическом воплощении в государстве: «Конечно, все это трудно, однако как-то возможно..., когда властителями в государстве станут подлинные философы... и будут высоко ценить порядочность и ту честь, что с нею связана, но самым великим и необходимым будут считать справедливость; служа ей и умножая ее, устроят они свое государство» [12, с. 326].

«Справедливость, – как писал В. С. Соловьев, – есть, несомненно, понятие нравственного порядка» [14, с. 101]. При этом нравственный элемент в ней более весом, чем в понятии «социальный прогресс», поскольку прогресс как ценность предполагает движение общества к некому эмпирически фиксируемому результату, который может вообще не содержать этического элемента и тем более метафизического основания. «Прогресс во что бы то ни стало» – вполне практикуемая формулировка. Но «справедливость во что бы то ни стало» звучит парадоксально. Прогресс требует жертв, а в справедливых социальных отношениях не должно быть жертвы, справедливость направлена на то, чтобы избежать жертв вообще. Идеально воплощает принцип социальных отношений без жертв категорический императив И. Канта: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [8, с. 36]. Этот императив, и только он, «работает в обе сторо-

ны», поскольку действующий и объект действия равны по достоинству: не хочешь быть жертвой или средством – не делай жертвой или средством другого. Но его автономность и есть одна из проблем, которая определяет сложность социологического изучения справедливости. Этот императив весьма проблематично вывести на эмпирический уровень и установить справедливость, просто воплотив его в праве, поскольку «по поступок из чувства долга имеет свою моральную ценность не в той цели, которая может быть посредством него достигнута, а в той максиме, согласно которой решено было его совершить; эта ценность зависит, следовательно, не от действительности объекта поступка, а только от принципа воления, согласно которому поступок был совершен безотносительно ко всем объектам способности желания» [8, с. 17]. В данном случае воплощение в праве и изучение с позиций рационализма – проблемы, имеющие один и тот же корень: «свет нравственного закона сияет из отдаленной и неведомой области» [15, с. 116].

При помощи социологического исследования можно установить степень эмпирической легитимности социального порядка, но, по мнению Вебера, сама по себе «легитимность порядка может быть гарантирована только внутренне, а именно: 1) чисто аффективно, эмоциональной преданностью; 2) ценностно-рациональной верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей (нравственных, эстетических или каких-либо иных); 3) религиозно: верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка» [4, с. 638]. Внутренние гарантии сложны для контроля и научного исследования, поскольку метод отнесения к ценности зачастую находится на грани с оценкой, а репрессии способны ограничивать лишь внешнюю свободу человека, но не могут прямо и непосредственно воздействовать на мотивацию. Следовательно, на уровне социального действия отношения могут быть упорядочены, но они будут лишь в той или иной мере приближаться к принципу справедливости, так как общество не может выстроить идеальную систему путем полного присвоения личности – последнее слово все равно останется за ускользающим действующим лицом, поскольку его мотивы не могут быть подконтрольны.

Учение о праве как минимуме добра при невозможности полного воплощения идеи справедливости предлагал В. С. Соловьев. Право, по Соловьеву, есть принудительная справедливость, «есть низший предел, или некоторый минимум, нравственности, равно для всех обязательный» [14, с. 108]. Право как видимый и эмпирически изучаемый символ социальной солидарности [7, с. 65] призвано обеспечивать этот «минимум добра», чтобы не допустить крайних, эмпирически фиксируемых внешних проявлений насилия и произвола (при условии, конечно, что справедливость действительно сохраняет свои нравственные основания и служит сопротивлением насилию и произволу, а власть рассматривается как служение, а не как привилегия). Но как конструкция рациональная, оно вполне может перестать быть минимумом добра. К примеру, основатель русской социологии права А. Д. Градовский вообще связывал право не столько со справедливостью, сколько с силой: «Первым, основным, неоспоримым элементом каждого

государства является власть, и власть не в смысле учреждений, а в смысле могущества, присвоенного государству» [6, с. 7]. Важно только не забывать исследовать, чем направляется эта сила, какая ценность – справедливости или произвола – является приоритетной и определяет цели и социальные действия, поскольку, как писал Н. А. Бердяев, «государство не обладает безгрешной и чистой природой, в нем может обнаружиться злое и даже дьявольское начало, оно может переродиться и служить цели, противоположной своему назначению» [2, с. 64]. Черты тоталитаризма и утопизма обнаруживаются не только в коммунистической идее, но и в либеральной модели, поскольку «либерализм сам оказывается в ситуации кризиса» [13, с. 17]. З. Бауман отмечал: «На практике оказалось, что любая [новая] форма социальной организации приносит столько же несчастий, сколько и счастья, если не больше. Это относится в равной мере и к двум главным антагонистам – уже обанкротившемуся марксизму и ныне правящему экономическому либерализму» [1, с. 140].

Поведение людей, их наружные социальные действия, фиксируемые социологически, еще сами по себе не могут расцениваться как справедливые или несправедливые, добрые или злые. Одно и то же социальное действие может быть, например, предпринято как в корыстных, так и в абсолютно бескорыстных целях. И тем не менее социологизация справедливости произошла, чему способствовало распространение ценностей Просвещения. «Произошла социализация и социологизация практического и теоретического дискурса справедливости. Справедливым стало считаться общество, реальное, а главным образом потенциальное, необходимое и должное, в котором, так или иначе, утверждаются идеалы равенства, братства и свободы» [5, с. 25].

Итак, справедливость пребывает в двух «несоединимых мирах»: с одной стороны, разноуровневость и метафизичность справедливости в христианской культуре, лежащей в основе европейской цивилизации, с другой стороны, попытка социологии рассматривать справедливость как некий совершенный порядок, зафиксировать ее как понятие «посюстороннее» и подчеркнуть ее рациональный, императивный характер. И этим дуализмом обусловлен вопрос: а может ли справедливость как категория этическая в полной мере быть охвачена социологией, если содержание ее лежит за рамками возможного опыта? В своей работе «Метафизика нравов» И. Кант отмечает: «“Строжайшее право – это величайшая несправедливость” (*summum ius summa iniuria*); но на пути права этому злу ничем помочь нельзя, хотя оно и имеет отношение к правовому требованию, потому что справедливость относится только к суду совести (*forumpoli*), а каждый правовой вопрос должен решаться на основании гражданского права (*forumsoli*)» [9, с. 142–143].

Рассуждая о двойственном характере человеческого бытия, К. Льюис пишет: «В христианстве есть парадокс: на первый взгляд оно как-то непоследовательно относится к испытаниям. Бедность душе полезнее богатства, но милосердием и правдой (то есть социальной справедливостью) мы должны уничтожать бедность, где можем... Бог всегда может обратить зло в добро, но это ни в коей мере не оправдывает злодеев» [11, с. 116]. Справедливость здесь рассматривает-

ся не как всеохватывающая идея, не как социальный идеал, а как прорастающие в падшем мире ростки милосердия, корни которых – не в разуме, не в интеллектуальных моделях, в соответствии с которыми можно было бы переустроить общество, а в любви, которая выше закона и, следовательно, выше рациональности. Именно поэтому ценность высшей справедливости есть не логически идеальная модель социальных отношений, а прежде всего, свободно осознаваемое личностью волеизъявление, желание творения добра безо всяких рациональных обоснований. Это, говоря языком М. Вебера, не сам легитимный социальный порядок, а его глубинное метафизическое основание, его гарантия, не фиксируемая эмпирически.

Таким образом, перед нами встает серьезная методологическая проблема: насколько вообще возможно и правомерно включать справедливость в ряд социологических категорий? Очень осторожно данную проблему формулирует А. Б. Гофман: «Когнитивный аспект социальной идеи или понятия нередко добавляется к этическому, сопровождает его или отчасти вытесняет его. С идеей справедливости произошла подобная метаморфоза. Оставаясь идеалом, безусловной этической ценностью и объектом изучения, в социологии она постепенно превратилась в научное понятие и объяснительный принцип, призванный прояснять самые разные аспекты социальной жизни. Коротко говоря, из нормативной категории она превращается также и в объяснительный принцип, и в когнитивную категорию социальной науки» [5, с. 2542].

Важно учитывать степень метафизичности и автономности справедливости, допускаемую в рамках той или иной культуры. На одном полюсе – принципиальная посюсторонность, на другом – метафизичность, представление о нездешней природе ценностей, и в частности – представление о справедливости как небесной правде. Русский человек способен стремиться к этой небесной правде в контексте абсолютного правового нигилизма. Выше уже говорилось о том, что понятие справедливости в самобытной русской мысли (в том числе у упомянутого в начале статьи В. С. Соловьева) применяется во всей его метафизической глубине и трансцендентности. Английское же понятие «justice» в результате социологизации можно переводить на русский и как «справедливость», и как «правосудие», то есть рассматривать его в том числе и исключительно в рациональной юридической плоскости. Возможно, именно поэтому у известного теоретика справедливости Джона Ролза возникла необходимость в уточнении: «Justice as Fairness» [16], где понятие «fairness» (справедливость, честность) добавляется для смягчения формального смысла «justice». А для выражения именно глубокого метафизического основания справедливости существует еще третье понятие – «truth». Во всяком случае, чтобы адекватно отразить смысл, вкладываемый в понятие справедливости до распространения идей Просвещения, одного термина оказалось недостаточно.

Метод «отнесения к ценности» подводит социологию к ее границе с метафизикой и аксиологией. И справедливость как ценность оказывается в этом проблемном поле. К тому же понятие справедливости как ценности еще более метафизично, чем понятие прогресса как ценности. Но пафос «науки без метафизи-

ки» сделал свое дело: как пишут в своей книге «Критика и обоснование справедливости» Л. Болтански и Л. Тевено, «социальные науки воспользовались релятивизмом, чтобы освободиться от авторитета ценностей (и в том числе, чтобы подчеркнуть свое отличие от юридических дисциплин), в результате чего они оказались не в состоянии обосновать самих себя (критика, которая часто высказывается в их адрес), они также оказались неспособными признать то, что людям необходимо строить свое согласие на общем благе и обосновывать его легитимность, опираясь на метафизику». Авторы подвергают критике не только позицию позитивистов в этом вопросе, но и позицию Вебера. С их точки зрения, «изучение требования легитимности было подменено анализом легитимации, представляющей собой не необходимое обоснование справедливости, а рационализацию в значении психоанализа». И все это приводит к тому, что справедливость в конечном итоге превращается в свою полную противоположность ради соблюдения связности социологической концепции: «...социальный порядок мыслится как результат бессознательных сил регулирования и, с другой стороны, как выражение господства сильных над слабыми. Легитимация разоблачается как произвольная и, значит, по крайней мере, в имплицитной форме, как несправедливая» [3, с. 509-510].

Все эти проблемы возвращают нас к одному из наиболее фундаментальных вопросов методологии социологической науки: а должна ли она отказываться от метафизики? Сомнение в правильности резкого отказа от метафизики в эпоху институционализации социологии возникает, по меньшей мере, потому, что, отрывая наиболее важные понятия (к коим относится и справедливость) от метафизических корней, социологическая наука упрощает объект, впадает в противоречия и, порождая подобного рода парадоксы, неизбежно приходит к редукционизму.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 182 с.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Берлин, 1923. 246 с.
3. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 805 с.
5. Гофман А. Б. О социологических интерпретациях справедливости [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Kongress_2016/Gofman.pdf (дата обращения: 02.11.2018).
6. Градовский А. Д. Вступительная лекция по государственному праву // Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. С. 1-20.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. 575 с.

8. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Директ-Медиа, 2012. 80 с.
9. Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
10. Кудрина С. А. Прогресс как ценность и обесценивание традиции // История. Семиотика. Культура: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. И. В. Демин. Самара, Самарская гуманитарная академия, 2017. С. 197-205.
11. Льюис К. Страдание. М.: Лепта, 2001. 190 с.
12. Платон. Соч. в 4 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1994. 654 с.
13. Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. М.: Институт Философии РАН, 1996. 298 с.
14. Соловьев В. С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л.: Лениздат, 1990.
15. Чаадаев П. Я. Философические письма. М., Директ-медиа, 2016. 829 с.
16. Rawls J. Collected Papers. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. London, England, 1999. P. 47–72.

Феноменология и герменевтика

Тимощук Е.А., Владимир

к. филос. н., доцент

кафедры социально-гуманитарных наук,

РАНХиГС

Феноменологическая конкретизация – это одна из коммуникативных практик, изоморфная герменевтике, способствующая образованию стыков между разнородными культурными мирами. Настоятельная потребность таких стыков вызвана пролиферацией культурных миров. Конкретизация и герменевтика способствуют формированию консенсусных образований, смысловых кластеров.

Ключевые слова: феноменология, герменевтика, конкретизация, интенциональность.

E.A. Timoschuk, Vladimir

Phenomenology and hermeneutics

Phenomenological concretization is one of the communication practices, isomorphic to hermeneutics, contributing to the formation of junctions between heterogeneous cultural worlds. The urgent need for such joints is caused by the proliferation of cultural worlds. Concretization and hermeneutics contribute to the formation of consensus entities, semantic clusters.

Keywords: phenomenology, hermeneutics, concretization, intentionality.